

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ И ГОСУДАРСТВО

© 2005 г. В. В. Ермошин¹

Необходимость рассмотрения вопросов, затрагивающих статус государства в связи с идеями и концептуальными построениями философии истории, диктуется прежде всего потребностью изучения исторического опыта народов по политико-правовым проблемам, относящимся к наиболее важным аспектам их жизнедеятельности. Этот опыт особенно ценен в условиях ускорения социально-политических процессов, в обстановке значительных исторических трансформаций. Вместе с этим проблема будущего государства и развития государственности в последние годы стала весьма актуальной и потому, что в зарубежной и отечественной литературе на основе философско-исторических обобщений нередко делаются далеко идущие радикальные предложения по перестройке как внутригосударственных, так и международных отношений.

Оценивая ход и итоги исторического развития, некоторые представители западной философии утверждают, что существующее сегодня «концептуальное оснащение» философии истории является «непригодным», а известные нам «культурные традиции» «все больше теряют характер... интерпретации мира, природы и истории в целом». По их убеждению, «в настоящее время не существует эквивалента для функционального обеспечения, которое выполняла ныне разрушающаяся традиционная система мира»².

Причина кроется в несоответствии существующей ныне международной ситуации традиционной парадигме мирового развития. Как полагают некоторые зарубежные и отечественные исследователи, эта ситуация ставит под сомнение ценность разработанных до этого концептуальных решений, равно как и весь проект модерна в целом. Идеология Просвещения и все последующие концепции экономической, политической и правовой эволюции, с их точки зрения, представляют собой не более чем иллюзии, стоящие в одном ряду с прочими выдумками, изобретенными для слабых и побежденных³.

С нашей точки зрения, эпоха Просвещения представляет собой одно из самых светлых явлений в истории Нового времени. Важнейшее значение этой эпохи состоит в обращении к социальному опыту, к его пересмотру и переоценке. На основе анализа прошлого и настоящего идеологи Просвещения пришли к выводу о необходимости изменения общества, социальных отношений и политики и образованию новых социальных структур и отношений на основе идей добра, справедливости и научных знаний. И, пожалуй, впервые значение и роль человеческого сознания в развитии общества получили столь высокую оценку.

Насколько известно, главное в Просвещении – это вера в способности и разум человека. Устами одного из мыслителей той эпохи, просветители декларировали: «Знание и могущество человека совпадают, ибо незнание причины затрудняет действие». Решая эту задачу, они обнаружили низкий уровень воздействия культуры на социальную действительность и, в частности, очень слабое влияние ее ценностей, стандартов и правил на развитие социальных отношений. Вместе с этим они признали необходимым вывести разум из состояния неопределенности и отказаться от философских канонов античности, нередко фиксировавших внимание на моментах весьма удаленных от действительных проблем социального бытия. Наука может и должна изменить условия человеческой жизни, ибо она является специально созданным инструментом для разрешения возникающих в жизни проблем. И в этом плане особое значение имели выводы просветителей о связи теории с практикой как важнейшем условии целесообразной и целенаправленной деятельности народов⁴.

Новые идеи и представления привели просветителей не только к выводу о тесной связи философии с историей, правом и политикой⁵, но и к достаточно широким обобщениям о существовании закономерностей исторического развития и о возможности прогресса человеческого общества и его институтов. Подчеркивая особую значимость изучения истории, Т. Кондорсе писал, что

¹ Старший научный сотрудник ИГП РАН, кандидат юридических наук.

² Хабермас Ю. О субъекте истории. Краткие замечания по поводу ложных альтернатив // Философия истории. М., 1995. С. 283 и след.

³ См.: Ваксес Дж. Постпозитивистское течение // Теория международных отношений на рубеже столетий. М., 2002. С. 227–229; Неклесса А.И. Конец эпохи большого модерна. М., 1999.

⁴ См.: Бэкон Ф. Соч. В 2-х т. Т. 2. М., 1972. С. 12, 15, 77–79; Михаленко Ю.П. Ф. Бэкон и его учение. М., 1975. С. 223–250; Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 3. СПб., 1996. С. 161–162, 165–169.

⁵ См.: Реале Д., Антисери Д. Указ. соч. С. 459–460.

она является фундаментом науки, “с помощью которой можно предвидеть прогресс человеческого рода, направлять и ускорять его”⁶. Примерно в том же духе высказывались М.Ф. Вольтер, которому принадлежит авторство термина “философия истории”, А. Тюрго, Болингброк и некоторые другие⁷.

Одной из важнейших мишеней критики постмодернистов и их единомышленников является, как они говорят, “государственно-центристская система” исторического развития. Представляя международный мир в виде “политического пространства”, они полагают, что настало время “начать заполнение этого пространства наиболее значительными” для них “предметами”⁸.

Сторонники данного подхода к интерпретациям исторических процессов исходят из того, что государство, как они выражаются, было “побочным продуктом очень специфического периода европейской истории”. С их точки зрения, государства “стали значительным отклонением от политической модели предшествовавших тысячелетий”, исказив таким образом логику исторического процесса, которая сформировалась в рамках тенденций, свойственных догосударственным “общностям”⁹.

Оставляя в стороне оценку в высшей степени необычной трактовки достоинств внутриплеменных и межплеменных отношений, отметим, что крупнейшие мыслители Нового времени вполне убедительно показали, в чем именно заключаются преимущества государства по сравнению с теми общностями, которые ему предшествовали. Например, по убеждению Макиавелли, государство является институтом, способным содействовать избавлению людей “от изуверства и насилия”, поддержанию правопорядка как внутри государства, так в отношениях с другими народами¹⁰.

Весьма близок к итальянскому мыслителю в оценке достоинств государства и французский мыслитель Ж. Боден. Он видел в государстве важное средство избавления народа Франции от бедствий внутренней междоусобицы и беззакония. Ему принадлежит определение государства как “правовой организации многих семейств и общего им имущества под державной властью”¹¹.

Но, пожалуй, лучше других определил социальное и историческое значение государства английский мыслитель Т. Гоббс. Он полагал, что государство является самым значительным актом человеческого творчества, не уступающего по своим последствиям акту создания самого человека. “...В государстве, – писал он, – господство разума, мир, безопасность, богатство, благообразие, взаимопомощь ... науки, доброжелательство”, а “вне государства – господство страстей, война, страх, бедность, мерзость, одиночество, варварство, невежество, дикость”¹².

Мыслители Нового времени, в частности Ж. Боден, Б. Спиноза, Д. Локк, Ф. Прокопович, И. Бентам и некоторые другие отмечали важную роль государства в решении общенациональных, хозяйственных проблем. Они рассматривали его как учреждение, способное содействовать производству “средств к существованию”, развитию промышленности, строительству дорог, мостов, храмов и многих других объектов, которые обеспечивали безопасность и благополучие народов¹³. Поэтому, как говорил Прокопович, кто против государства, тот хочет “погибели человеческой”¹⁴.

В целом, суждения мыслителей этой эпохи сводились к выводу о государстве как о весьма важном субъекте исторических перемен, с деятельностью которого связывались представления о новой роли и возможностях человека. Независимо от особенностей позиции того или иного мыслителя и тех задач, которые они рассматривали в первую очередь, взгляды на государство, как правило, концентрировались на его способности влиять на ход событий и изменять к лучшему ситуацию, в условиях которых протекала жизнедеятельность народов. И именно под влиянием анализа государственной практики в немалой степени складывалось новое понимание исторических процессов. История стала рассматриваться как логически связанная, взаимообусловленная цепь событий, как единый процесс перемен.

Необходимо отметить, что на ранней стадии развития идей и концепций Нового времени государство интерпретировалось как недостаточно активная, либо как пассивная структура исторического процесса. Это проявлялось в том, что в эти годы еще не ставились далеко идущие задачи по переустройству социальных отношений. Несмотря на многие достоинства утопических проектов (отчасти и проектов “вечного мира”), они еще не носили характера пригодных для практической реализации программ. Тот же упрек мож-

⁶ Философия истории. Антология. М., 1995. С. 44.

⁷ См., например: Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 11.

⁸ См.: Фергюсон Й. Глобальное общество в конце двадцатого столетия // Международные отношения: социологические подходы. М., 1998. С. 217–218.

⁹ См.: там же. С. 197 и след.

¹⁰ См.: Макиавелли Н. Государство. Размышления над первой декадой Тита Ливия. Минск, 2003. С. 118–119.

¹¹ Блунгли И.Ю. История общего государственного права и политики от XVI в. по настоящее время. СПб., 1874. С. 17, 18.

¹² Гоббс Т. Соч. В 2-х т. Т. 1. М., 1991. С. 374; Т. 2. С. 48.

¹³ См., например: История политических и правовых учений. М., 1983. С. 317 и след.

¹⁴ См.: Прокопович Ф. Соч. М., 1961. С. 83.

но адресовать и великому голландскому мыслителю Г. Гроцию. Хотя он сделал очень много для обоснования важной роли государства в международном мире, разрабатывая основы межгосударственных отношений, тем самым ориентируя народы в направлении мирных и деловых отношений, он писал еще “о праве войны и мира”, не проводя между этими состояниями принципиальных различий, требующих совершенно новых международных отношений.

На наш взгляд, философия истории, которую в свое время развивали немецкие философы И. Кант, Г. Гегель и некоторые другие авторы¹⁵, относится к иной традиции исследования генезиса и смысла исторических процессов. Согласно Канту, “природа” является движущей силой истории и средством, которым она пользуется, является “антагонизм” людей. “Природа, – писал он, – использует “неуживчивость людей, даже больших обществ и государственных организмов, чтобы в неизбежном антагонизме между ними найти состояние покоя и безопасности; другими словами, она, посредством войн и... чрезвычайного напряжения... посредством действий... побуждает” людей “к тому, что разум мог бы подсказать им и без столь печального опыта”¹⁶. Между тем, в концепции Гегеля эти функции выполняет “абсолютный дух”. Отказывая людям, как и Кант¹⁷, в способности находить правильные решения и поступать в соответствии с “идейностью”, “идеалами” и “добродетелями”, он утверждал, что логика исторического движения проявляется в борьбе, в том числе и в борьбе государств¹⁸. Находясь в естественном состоянии по отношению друг к другу, государства, по его мнению, предназначены для ведения борьбы¹⁹. “Поскольку государство действительно существует, – писал он, – оно должно иметь реальную возможность вести войну ...”²⁰. В этом, полагал Гегель, заключается историческое назначение государств – они являются не только “суть наивысшее в мире”, в котором выражаются стадии исторического развития, но и средством, при помощи которого народы, участ-

вуя в конфликтах и войнах, сохраняют свое “нравственное ...здоровье” и жизнеспособность²¹.

Еще в XIX в. концепция философии истории, предложенная Кантом и Гегелем, была подвергнута критике как в отечественной, так и в зарубежной литературе. В частности, известный российский западник Т. Грановский оспаривал правомерность квалификации Гегелем последнего периода исторического развития как “германского” и отмечал, что один из важнейших для философии истории вопросов о принципах и критериях различения “необходимых” и “случайных” событий пока еще не получил своего разрешения. Как следствие этого, “смутно понятая философская мысль о господствующей в ходе исторических событий необходимости” у некоторых писателей получила характер “фатализма”, отводя народам роль статистов в истории²².

С полным текстом
документа можно
ознакомиться в
библиотеке

¹⁵ См., например: Козловский П. Мир о модерне. М., 2002; Посконина О.В. Философия государства Никласа Лумана. Ижевск, 1996.

¹⁶ Кант И. Соч. В 6-ти т. Т. 6. М., 1966. С. 8, 11, 15.

¹⁷ Он, как известно, исходил из того, что у людей “нельзя предполагать какую-нибудь разумную собственную цель” (см.: Кант И. Указ. соч. С. 8).

¹⁸ См.: Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 8. М.-Л., 1935. С. 20; Кисель М.А. Гегель и современный мир. Л., 1982. С. 123.

¹⁹ В том же духе интерпретировал государство и Кант, считавший, что “природа” выразила в нем логику ненасытной жадности “обладать и господствовать”, а не логику мирных и деловых отношений или, как он выражался, логику “аркадских пастухов” (см. об этом: Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. М., 2002. С. 41).

²⁰ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 464.